

Часть I. Терминология и теория

Глава 1.

Понятие грамматического значения

§ 1. Основные определения

1.1. Грамматические и неграмматические значения

Проблема определения грамматического значения (как и вообще точного объема понятия грамматического) является одной из самых запутанных в лингвистике; разнообразные точки зрения на этот предмет с трудом поддаются перечислению, а известная обескураживающая способность лингвистов вкладывать разное содержание в один и тот же термин (и/или по-разному называть одно и то же понятие) именно в этой области, кажется, достигает апогея. Попробуем, тем не менее, насколько это возможно, суммировать несколько наиболее распространенных точек зрения.

Проще всего указать такое значение – или группу значений – которые практически единодушно причисляются к грамматическим; далее, проанализировав различные свойства этих значений, мы можем попытаться выделить среди них главное (или главные – не исключено, что в разных теориях эта роль будет приписываться разным свойствам).

Рассмотрим русское предложение (1) и один из его возможных английских эквивалентов (2).

(1) *Ты поймал золотую рыбку*

(2) *You have caught a golden fish*

Предложение (1) (будем пока говорить только о русском варианте) сообщает о некотором однократном событии, в котором «принимали участие» собеседник говорящего и золотая рыбка. Анализируя это предложение, мы можем установить не только то, кто и кого поймал, но и, например, что это событие произошло в прошлом, что собеседником говорящего

был один мужчина (вероятно, ему близко знакомый) и что пойманная им рыбка также имелась в единственном экземпляре. Разумеется, говорящему на русском языке такие выводы могут показаться естественными и даже тривиальными – но не будем спешить.

По-видимому, подавляющее большинство лингвистов согласились бы с тем, что значения ‘поймать’, ‘золотой’, ‘рыба’ в русском языке (или любом другом, типологически похожем на русский) относятся к числу лексических, а значения ‘в прошлом’ (= ‘до момента настоящего сообщения’), ‘в количестве одного экземпляра’, ‘мужского пола’ – к числу грамматических. Как и во многих других случаях, когда мы имеем дело с традиционными лингвистическими понятиями, опирающимися на интуицию носителей европейских языков и многолетнюю дескриптивную практику, указать приемлемый результат классификации здесь часто существенно проще, чем выявить те критерии, в соответствии с которыми этот результат получен. Аналогичные проблемы, как хорошо известно, возникают и с такими понятиями, как «корень», «аффикс», «словоформа», «морфема», «фонема».

По отношению к грамматическим значениям можно было бы, конечно, сказать, как это часто делается, что они являются более «абстрактными», чем лексические. Однако этот признак (что бы под ним ни понимать) в действительности не является ни достаточным, ни даже необходимым критерием грамматичности. Конечно, некоторые очень «конкретные» значения ни в одном языке не могут быть грамматическими: таковы, например, обозначения цветов, и поэтому про значение ‘золотой’ из нашего примера мы можем с уверенностью сказать, что оно может быть только лексическим. Но, с другой стороны, сколь угодно абстрактные значения вполне могут в языке не быть грамматическими. Более того – и здесь мы касаемся одного из важнейших свойств грамматических значений – *значения, которые являются грамматическими в одном языке, далеко не всегда являются грамматическими в другом языке*. Таково, например, значение «неопределенности», выражаемое в английском языке неопределенным артиклем *a[n]*: в русском языке оно не является грамматическим, и, в частности, в предложении (1) вовсе никак не выражено; к обсуждению этого факта мы еще вернемся. Следовательно, при решении вопроса о том, является ли данный элемент грамматическим, мы должны опираться не столько на его семантические характеристики (хотя речь и идет о значениях!), сколько на какие-то особенности его функционирования в данном, конкретном языке. Не существует, таким образом, понятия «грамматическое значение вообще»; можно говорить только о «грамматическом значении в языке *L*»¹.

¹ В некотором специальном смысле о классе грамматических значений «вообще» говорить все же можно – если под этими последними понимать такие значения, которые являются грамматическими во всех или подавляющем большинстве языков –

Грамматическое значение – понятие относительное и конкретно-языковое; сравнение грамматических систем разных (даже близкородственных) языков легко убеждает в этом.

На какие же конкретно-языковые свойства опирается понятие грамматического? Таких свойств по-прежнему довольно много, и здесь разные теории языка расходятся, пожалуй, в наибольшей степени. Главную линию расхождения можно определить следующим образом:

(i) Следует ли искать *одно главное* свойство, отличающее грамматическое от неграмматического, или это различие опирается на *целый комплекс* свойств (причем не обязательно требовать, чтобы у каждого элемента, признаваемого грамматическим, все эти свойства присутствовали одновременно)?

Дилемма (i) тесно связана с другой дилеммой, также служащей источником серьезных разногласий между лингвистами:

(ii) Задаёт ли противопоставление грамматического и неграмматического достаточно жесткую границу между различными языковыми элементами, или следует считать, что это противопоставление в общем случае является градуальным и предполагает возможность большого количества переходных феноменов?

Нетрудно заметить, что ориентация на грамматическое как на пучок свойств предполагает признание нежесткого характера этого противопоставления; выделение же только одного определяющего свойства совместимо, вообще говоря, с обоими возможными решениями проблемы (ii).

Скажем сразу, что в настоящем очерке мы придерживаемся следующего решения: при определении грамматического значения мы будем опираться только на одно свойство (а именно, так называемое свойство *обязательности*, о котором подробнее см. ниже), но граница между грамматическим и неграмматическим при этом признается безусловно нежесткой, и о существовании обширных переходных зон мы будем говорить особо в § 3. Однако следует иметь в виду, что правомерны и другие подходы к этой проблеме; не имея возможности детально обсуждать их здесь, мы всё же постараемся дать беглую характеристику различных теоретических позиций, существующих в современной лингвистике (см. более подробный обзор в нашей работе Плунгян 1998; об альтернативных подходах см. также Dressler 1989, Маслова 1994, Перцов 1996а и 2001, Corbett 1999, Booij 2000, Haspelmath 2002, Сумбатова 2002, Stump 2001 и 2005).

«универсальный грамматический набор». О правомерности такого подхода будет идти речь в разделе, посвященном грамматической типологии (см. Гл. 2, § 2).

Мы начнем с того, что охарактеризуем понятие обязательности подробнее, ввиду его важности для теории грамматических (и особенно морфологических) категорий.

1.2. Понятие обязательности в грамматике

Мы убедились в том, что предложение (1) сообщает целый ряд сведений различной природы об окружающем мире – используя наиболее общие термины, их можно было бы назвать сведениями об объектах, ситуациях и их свойствах. Конечно, некоторые из этих сведений имеют более абстрактный характер (т.е. апеллируют к достаточно общим свойствам и/или достаточно крупным классам объектов), но для понимания природы грамматических значений это различие не столь существенно. Гораздо существеннее другое: сообщаемые в (1) сведения имеют разный статус по отношению к исходному замыслу говорящего, а именно, среди них есть такие, сообщить которые говорящий намеревался, а есть и такие, сообщить которые он, может быть, и не намеревался, но от сообщения которых он, тем не менее, говоря на русском языке, не мог уклониться. Вот эти «вынужденно» сообщенные им сведения («вынужденные» грамматикой языка) и считаются грамматическими значениями (по крайней мере – в более мягкой формулировке – именно они образуют ядро грамматических значений), и именно к таким значениям и применяется понятие обязательности.

Действительно, почему значения рода, числа и времени относятся в русском языке к классу грамматических? Выбирая личную форму глагола, говорящий по-русски *обязан* выразить в составе такой словоформы по крайней мере время описываемой ситуации (по отношению к моменту высказывания), грамматическое число и (в единственном числе прошедшего времени) грамматический род подлежащего – равно как и целый ряд других значений, от которых мы в данный момент можем отвлечься. Точно так же, желая употребить какую-либо форму существительного, говорящий по-русски *обязан* выразить в ее составе число и падеж. Глагольные и именные словоформы в русском тексте просто не существуют без этих дополнительных элементов: например, всякая именная словоформа выражает какое-то падежное значение (и при этом только одно): не бывает именной словоформы «никакого» падежа (а также и словоформы, выражающей несколько падежных значений одновременно²).

Сказанное позволяет понять следующее важное свойство обязательности: обязательным является, строго говоря, не само значение, а некоторое множество взаимоисключающих значений, в которое оно входит. Никакие два значения из этого множества не должны выражаться в одной и

² Случаи омонимичных словоформ (типа *печали*) не являются опровергающим примером, см. подробнее раздел 1.3.

той же словоформе одновременно, но какое-то одно из этих значений должно выражаться в составе словоформы всегда. Такое множество взаимоисключающих обязательных значений традиционно (по крайней мере, со времен античных грамматиков) называется *грамматической категорией*. Так, в русском языке имеется грамматическая категория падежа, состоящая по крайней мере из шести значений (такие значения в русской традиции принято, используя термин, предложенный американским лингвистом К. Пайком, называть *граммемами*³); эта категория обязательна (в указанном выше смысле), а в силу этого можно говорить и о том, что обязательной является каждая падежная грамма; это последнее употребление, таким образом, терминологически несколько более вольно.

К сожалению, в западной лингвистической традиции удобный термин *грамма* парадоксальным образом не прижился – возможно, это связано с тем, что терминологические предложения Пайка вообще были крайне непопулярны за пределами немногочисленных сторонников его «тагмемной теории» (одной из крайних разновидностей американского структурализма 1940-х гг.). В Россию же этот термин попал отчасти в силу случайных обстоятельств, воспринимался он изолированно от теории Пайка в целом, а скоро и вовсе перестал связываться с его именем. Как бы то ни было, в англоязычной литературе в настоящее время в значении ‘грамма’, как правило, употребляется описательный оборот типа *grammatical meaning* (или *value*), а часто в этом значении используется и сам термин *grammatical category*. Многие лингвисты осознают это терминологическое неудобство, хотя общепринятых альтернатив такому словопотреблению не существует. В свое время Бенджамин Уорф (1945) предлагал решать эту терминологическую проблему, различая «specific categories» (т.е. граммы) и «generic categories» (т.е. собственно грамматические категории); позднее немецкий лингвист Рольф Тирофф, опираясь на опыт Мэтьюза и ряда других исследователей, предлагал в качестве эквивалента пары *грамма ~ грамматическая категория* ввести пару *category ~ categorization* (см. Thieroff 1994), но большого распространения эти предложения пока не получили.

Интересно, что в морфологии, как ни странно, не существует общепринятого однословного термина и для наименования морфемы, выражающей грамму (т.е. для обозначения, так сказать, материального носителя граммы). Обычно в этом значении используется термин *показатель* (англ. *marker*), но этот термин оказывается точным и однозначным только при добавлении соответствующего определения (*грамматический показатель*). В современной грамматической типологии (особенно среди лингвистов круга Дж. Байби) в этом значении достаточно продуктивно используется термин «грам» (англ. *gram*), предложенный в конце 1980-х гг. У. Пальюкой и получивший распространение после публикации книги Bybee et al. 1994. Иногда в этом же значении употребляется и сам термин *грамма*.

Следует также иметь в виду, что в англоязычной лингвистической традиции (и в особенности в работах, ориентированных на идеологию формально-синтаксических моделей генеративного типа) термин *category* ‘категория’ чаще всего употребляется не

³ См. Pike 1957; в русской лингвистике термин *грамма* появляется в начале 1960-х гг. в работах З. М. Волоцкой и Т. М. Молошной, В. Н. Топорова и др.; окончательные же «права гражданства» он приобрел благодаря А. А. Зализняку (см. Зализняк 1967: 26-27).

применительно к классам взаимоисключающих значений (значения вообще весьма мало интересуют лингвистов данного направления), а применительно к формальным классам *слов* и *сочетаний слов*. Тем самым, в контексте таких работ термин *category* лучше переводить на русский язык именно как «класс слов» или даже – используя более традиционное понятие – как «часть речи» (если имеются в виду так называемые «лексические» или, как они именуются в последних работах Хомского, «субстантивные» категории; понятия же «фразовые», или «синтаксические» категории применяются к сущностям типа именных или глагольных синтагм⁴). Грамматическим категориям в нашем понимании более или менее соответствует лишь сочетание *functional categories*, ставшее активно использоваться в терминологическом арсенале генеративной грамматики приблизительно с начала 1980-х гг. (но так и не получившее четкого определения; подробнее об этом понятии в контексте других лингвистических теорий см. Haspelmath 1994). Употребление русского термина «категория» в значении ‘класс слов’ или ‘класс синтагм’ в рамках грамматической семантики нежелательно: хотя традиционные части речи и могут определяться как «классы грамматической сочетаемости» (см. Гл. 2, § 3), они, разумеется, не являются значениями. Появившиеся у нас в некоторых работах недавнего времени (в результате бесхитростного калькирования с английского) сочетания типа «категория прилагательного» в значении ‘класс слов, являющихся прилагательными’ неудачны в силу своей двусмысленности.

Обязательность некоторого значения легче всего обнаруживается именно на уровне морфологии, т.е. в составе словоформы, где она наиболее доступна непосредственному наблюдению. Для того, чтобы установить, является ли некоторое значение (морфологически) обязательным, нужно убедиться, что оно, во-первых, обладает свойством категориальности (т.е. входит в некоторую категорию с еще по крайней мере одним значением, с которым оно синтагматически не совместимо), и, во-вторых, что эта категория обязательна, т.е. что существует такой класс словоформ, каждая из которых всегда выражает некоторое значение из данной категории (и при этом только одно).

Формулировка «существует такой класс словоформ» не является случайной; она связана с еще одним важным свойством грамматических значений. Обязательность грамматической категории не может быть всеобщей, т.е. не может распространяться на все вообще словоформы данного языка: так, говоря о грамматической категории времени, обычно имеют в виду только глаголы, говоря о грамматической категории падежа – только имена (или даже только личные местоимения, как, например, в английском, французском и многих других языках). Следовательно, обязатель-

⁴ В настоящем очерке термины *словосочетание*, *(синтаксическая) группа* и *синтагма* (отражающие различные синтаксические идеологии) употребляются как синонимы со значением ‘элемент синтаксической структуры предложения, состоящий из одной или нескольких словоформ’ (в том же значении в отечественной лингвистике употребляется и термин *синтаксема*). В большинстве случаев мы, тем не менее, предпочитаем использовать термин *синтагма*, в наибольшей степени теоретически нейтральный и не связанный прямо ни с традиционными, ни с генеративными синтаксическими теориями.

ность определяется для некоторого подкласса словоформ данного языка. Этот подкласс («область определения» категории) должен быть достаточно большим и/или иметь достаточно естественные и хорошо выделяемые границы; причем он должен выделяться в языке сразу по многим признакам, а не только потому, что данная категория является для его элементов обязательной. Именно так обстоит дело с личными местоимениями: это «хороший» естественный класс (несмотря на его малочисленность), который был бы выделен в любом языке даже и в том случае, если бы у местоимений не было никаких собственных, только их характеризующих грамматических категорий. С другой стороны, нельзя утверждать, что в русском языке у существительных (хотя бы у части) имеется обязательная категория естественного пола (с двумя значениями: ‘мужского пола’ и ‘женского пола’): «хороший» естественный подкласс одушевленных существительных в данном случае не годится – слишком многие названия людей и особенно животных не обладают в русском языке морфологическими средствами для выражения пола (ср. такие слова, как *дизайнер*, *хирург*, *рысь*, *скунс*, *гиена*, *чайка* и мн. др.); те же из них, которые такими средствами обладают (ср. пары типа *сосед* ~ *соседка*, *акробат* ~ *акробатка*, *медведь* ~ *медведица*, *скворец* ~ *скворчиха*, и т.п.), никаким другим, независимым, признаком в естественный класс не объединяются⁵.

Более того, даже и в этих парах, строго говоря, противопоставляются не две словоформы, выражающие разные значения одной категории, а словоформа с неопределенным (или, в семиотических терминах, «немаркированным») значением – словоформе, выражающей значение ‘женского пола’: так, слово *акробат*, в отличие от слова *акробатка*, скорее всего означает просто ‘человек определенной профессии...’, а не ‘мужчина-акробат’, и т.п.; таким образом, морфологической категории здесь нет. Одна из ярких особенностей грамматических категорий состоит в том, что только они – в силу обязательности – образуют семантически *эквивалентные* оппозиции (и только они, тем самым, допускают нулевые показатели); словообразовательные же значения образуют *привативные* оппозиции (в которых один из элементов всегда семантически сложнее другого), и выделение нулевых показателей в словообразовании невозможно. Тем самым, когда, например, граммему единственного числа в русском языке называют «немаркированной», то в этом случае термину «немаркированный» придают другое (несколько более расплывчатое) значение (≈ «более простой», «более распространенный», «базовый»); не вдаваясь в детальный анализ понятия маркированности (относящегося скорее к общей семиотике, чем к морфологии или грамматике как таковым), укажем – среди очень многих исследований на эту тему – по крайней мере следующие: классические работы Трубецкой 1939, Якобсон 1939 и 1971 (к истории возникновения этого понятия у пражских структуралистов ср. также Viel 1984), более новые обзорные работы Eckman et al. (eds.) 1986, Dressler et al. 1987, Mišeska Tomić (ed.) 1989, Croft

⁵ Именно поэтому значение ‘женского пола’ в русском языке и относится к словообразовательным, о чем см. подробнее ниже; подробный анализ данной проблемы см. также в статье Кронгауз 1996.

1990, Chvany 1993, Кибрик 2003: 270-304; ср. также недавнюю критику этого понятия в Haspelmath 2006.

Итак, чтобы иметь возможность считаться грамматической категорией, набор значений должен обладать по крайней мере двумя свойствами, а именно категориальностью и обязательностью. Первое свойство (известное также под названиями взаимоисключительности, парадигматичности, функциональности и др.) позволяет выделить из всего множества языковых значений такие, которые объединяются в категории; второе выделяет среди языковых категорий те, которые являются для данного языка грамматическими. Категорией может быть только такой набор значений, элементы которого исключают друг друга, т.е. не могут одновременно характеризовать один и тот же объект (это свойство можно сформулировать и по-другому: каждому объекту в определенный момент можно приписать только одно значение из этого набора). Так, свойством категориальности, или взаимоисключительности в нормальном случае обладают значения физического возраста (человек не может быть одновременно стариком и ребенком), пола, размера и многие другие. Напротив, такие значения, как, например, цвет, не являются категориями: один и тот же объект вполне может быть одновременно окрашен в разные цвета.

Далеко не все языковые категории, однако, могут считаться грамматическими. Для этого необходимо, чтобы категория удовлетворяла второму свойству, т.е. свойству обязательности.

Тем самым, грамматическая категория, в первом приближении – это множество взаимоисключающих значений, обязательное для некоторого естественного подкласса словоформ данного языка. Данное определение дает только самую предварительную формулировку и не учитывает многих трудных случаев. Некоторые уточнения будут даны ниже, но пока существенно еще раз подчеркнуть, что базовым понятием для нашего определения грамматического является обязательность, т.е., в самом общем виде, давление грамматической системы данного языка на говорящего, вынуждающее его к выражению тех характеристик, которые, может быть, и не входили в его первоначальный коммуникативный замысел.

Различия в наборе грамматических категорий – может быть, самые яркие и самые глубокие из различий между естественными языками. У каждого языка имеется свой набор предпочтений (определяемый, в конечном счете, как считается, особенностями культуры и мировосприятия данного народа); грамматику языка в этом смысле можно представить себе как некоторую анкету, или список вопросов, на которые говорящий, желая составить на этом языке правильное высказывание, обязан дать ответы. Тематика этих «вопросов анкеты» отражает приоритеты языкового сознания говорящих на данном языке (точнее, может быть, было бы говорить не о сознании, а о «коллективном подсознании», так как в явном виде, конеч-

но, эти приоритеты языковым коллективом, как правило, не осознаются; лингвисты в таких случаях предпочитают употреблять термины типа «языковая картина мира», «наивные концепты», «folk semantics», и др., восходящие к идеям Вильгельма фон Гумбольдта и Эдварда Сепира; подробнее об этой проблематике см., в частности, Апресян 1986 и 2006, Wierzbicka 1988). По емкому и часто цитируемому выражению Р. О. Якобсона, «основное различие между языками состоит не в том, что может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящими» (Якобсон 1959: 233).

Насколько разными могут оказаться «грамматические анкеты» даже в таких, в общем, достаточно близких друг другу языках, как английский и русский, дает представление уже наш очень простой пример предложений (1) и (2). Употребляя глагольную словоформу, говорящий по-русски, как мы помним, должен «ответить на вопрос» относительно времени данного события и, если это событие относится к прошлому, то обязательно указать родовую принадлежность подлежащего при данном глаголе (это, в частности, означает, что, обращаясь к собеседнику, говорящему по-русски необходимо знать его пол). Употребляя именную словоформу, необходимо располагать информацией о количестве соответствующих объектов. Не менее яркую особенность русской грамматической системы составляют граммема категории падежа и граммема категории глагольного вида, правил употребления которых – слишком сложных для вводного иллюстративного примера – мы сейчас касаться не будем.

Совсем иными оказываются грамматические требования английского языка. Если, употребляя глагольную форму, говорящий по-русски выбирает фактически только между граммемами настоящего, прошедшего и будущего времени (в соединении с граммемами совершенного и несовершенного вида), то говорящему по-английски приходится выбирать между гораздо бóльшим количеством форм, объединенных, к тому же, совсем иными принципами. Так, для английского языка недостаточен ответ на вопрос о том, к прошлому, настоящему или будущему относится описываемое событие (хотя такой вопрос английской грамматикой тоже задается); при отнесенности события к прошлому говорящему предстоит выбрать еще как минимум между формами так называемого «простого прошедшего» и «перфекта» (ср. *caught* vs. *have caught* для глагола *catch*); выбирая же между этими формами, говорящий по-английски ориентируется, в первом приближении, на то, сохраняет ли результат действия свою актуальность в момент высказывания (например, имеется ли пойманная рыбка у собеседника или он выпустил ее обратно, съел, продал, и т.п.; могут учитываться и другие факторы – например, была ли рыбка поймана только что, на глазах у говорящего или в более отдаленный момент в прошлом). Подобные вопросы в русской «грамматической анкете» отсутствуют: в большинстве ситуаций простая и перфектная английские формы соответствуют одной и

той же русской форме *поймал*. Говорящего по-русски его грамматическая система не заставляет специально интересоваться тем, была ли рыбка поймана «только что» или «давно», находится она при этом у поймавшего или нет – если говорящему это безразлично (или неизвестно), он не будет выражать этой информации в своем тексте. Говорящий по-английски так поступить не может: он обязан ответить на этот вопрос, чтобы выбрать из нескольких различных форм; любой его выбор будет в этом отношении значим и будет свидетельствовать о том, что по этому пункту анкеты он принял какое-то решение. Зато его ничто не заставляет интересоваться полом своего собеседника (если, конечно, это не входит в его коммуникативные намерения); более того, говорящий по-английски при употреблении форм 2-го лица может проигнорировать даже количество своих собеседников: смыслы ‘ты поймал[а]’ и ‘вы поймали’ в английском языке, как известно, все передаются одинаково.

Естественно, различия в грамматическом поведении языков могут быть гораздо более существенными, чем между русским и английским. Так например, в классическом арабском языке та часть «грамматической анкеты», которая касается обязательного выражения пола говорящего и адресата, гораздо более дробная, чем в русском языке (не говоря уже про английский): употребление арабской глагольной словоформы 2-го или 3-го лица во *всех* временах и наклонениях требует обязательного указания на род и число подлежащего, причем грамматическая категория числа различает не две, а три граммы: единственного, двойственного и множественного числа.

Во многом аналогична ситуация и с употреблением форм существительных. В обоих языках, русском и английском, информация о количестве объектов входит в «грамматическую анкету» (хотя правила употребления граммы единственного и множественного числа в некоторых тонких деталях различаются – здесь еще один источник расхождения между грамматическими системами разных языков). Но в английском языке при употреблении любого существительного, кроме этого, дополнительно требуется ответить и на вопрос о его «детерминации»: каждое английское существительное обязательно сопровождается в тексте либо определенным, либо неопределенным артиклем (либо не сопровождается никаким, но это отсутствие артикля в данном случае тоже имеет строго определенную функцию, см. подробнее Гл. 4, § 2). Ответить на вопрос о «детерминации» существительного – т.е. о том, может ли, с точки зрения говорящего, его собеседник понять, о каком именно объекте, называемом этим словом, идет речь – довольно сложно (это знает всякий, изучавший английский язык как иностранный). Для этого нужно располагать весьма разнообразной информацией: например, в нашем случае, нужно помнить, шла ли уже речь о золотой рыбке раньше или она упоминается впервые; если она упоминается впервые, то нужно установить, относится ли она к классу всем известных

объектов или собеседник всё-таки не сможет понять, какую именно из многих золотых рыбок говорящий имел в виду (а может быть, и сам говорящий этого не знает). В нашем переводе (2) мы сделали выбор в пользу именно такой, «неопределенной» интерпретации, но выбор мог бы быть и иным, потому что русское предложение (1) никаких специальных указаний относительно этого не содержит: русская грамматика таких сведений не требует (что, конечно, не означает, что информацию о детерминации объекта говорящий по-русски никогда не может выразить – но для этого в его распоряжении имеются прежде всего лексические средства).

Так и получается, что говорящие на разных языках оказываются обязаны практически при выборе каждого слова проделать множество сложнейших мысленных операций (для каждого языка они свои, строго индивидуальные) – и самое удивительное, что говорящие (в том числе и мы с вами, уважаемый читатель) все эти операции покорно и в большинстве случаев совершенно механически, в считанные доли секунды, проделывают, принимая нужное решение. Трудности усвоения чужого языка во многом заключаются именно в том, что этот автоматизм ответов на вопросы «грамматической анкеты» оказывается в иной грамматической системе нарушен: у говорящего на чужом языке появляется своего рода «грамматический акцент», который куда больше мешает общению на этом языке, чем акцент фонетический (также, заметим, в конечном счете обусловленный нарушением фонологического автоматизма, потому что и фонологическая система любого языка жестко предписывает говорящим воспринимать одни звуковые различия и игнорировать другие, но при этом в каждом языке имеется свой собственный список таких «важных» и «неважных» различий).

В разных языках неодинаков не только набор и состав грамматических категорий – достаточно сильно может различаться и само количество грамматических категорий. Не во всех языках мира число обязательных грамматических категорий велико: есть языки, практически полностью их лишенные. Здесь нет ничего удивительного – может быть, гораздо удивительнее как раз тот факт, что грамматические категории в столь многих языках существуют. Действительно, непосредственно для целей общения грамматические категории как будто бы не нужны – ведь они, как мы помним, не сообщают того, что говорящий хотел выразить по собственному желанию; они создают некий обязательный концептуальный шаблон, в который говорящий должен уложить свой индивидуальный замысел. По-видимому, такие шаблоны во многих случаях удобны (иначе языки не воспроизводили бы их с таким постоянством), но они, безусловно, не являются необходимыми. К языкам с минимальным количеством грамматических категорий относятся многие языки Юго-Восточной Азии (например, вьет-

намский или тайский⁶), многие языки Западной Африки, а также почти все так называемые *креольские языки*, т.е. языки, возникшие за сравнительно короткий период времени в результате интенсивного взаимодействия двух разных языковых систем (например, языка колонизаторов и коренных жителей); это языки, как бы построенные из рассыпанных и сразу же вновь собранных обломков двух разных наборов лексических и грамматических деталей. Очень характерно, что такие «вновь созданные» языки почти лишены обязательных категорий: поставленный в критические условия, язык нуждается в самом необходимом и может позволить себе обходиться без грамматики, которая, таким образом, должна рассматриваться скорее как побочный продукт длительной языковой эволюции, приводящей к постепенному закреплению «концептуальных шаблонов» (к диахроническим проблемам грамматики мы еще не раз будем возвращаться в последующих главах). С точки зрения носителей «языков без грамматики», языки типа арабского (и даже английского) являются чрезмерно избыточными и громоздкими, со слишком «плотной тканью»; напротив, с точки зрения носителей языков с развитой системой грамматических категорий, «языки без грамматики» являются слишком неэксплицитными и приблизительными: это разреженный горный воздух, которым трудно дышать.

Использование понятия обязательности для определения грамматического значения имеет длительную традицию. В новейшее время тезис о грамматическом как обязательном наиболее последовательно отстаивал Р. О. Jakobson (хотя у него были и предшественники; в частности, сам Jakobson ссылается на американского лингвиста и этнографа Франца Боаса – ср. прежде всего Jakobson 1959; о вкладе французского востоковеда Анри Масперо см. Перцов 1996а и 2001). Понятие обязательности лежит в основе целого ряда (во многом несходных друг с другом) современных грамматических концепций, развивавшихся в работах Гринберг 1960, Мельчук 1997 и 1998 (но ср. уже одну из самых ранних публикаций Мельчук 1961), Зализняк 1967, Бондарко 1976 и 1978, Касевич 1988, Bybee 1985 и мн. др.

1.3. Грамматическая категория, лексема и парадигма

Для дальнейшего изложения нам понадобятся два важных понятия – *лексема* и *парадигма*; оба они непосредственно опираются на понятия грамматического значения (как бы ни интерпретировать это последнее) и грамматической категории. Но прежде чем мы перейдем к их характеристике, следует вернуться к некоторым свойствам грамматической категории, о которых выше было сказано достаточно бегло.

⁶ Считается, что один из самых предельных случаев языковой системы без грамматических категорий (так называемой «аморфной») представлен не каким-либо полноценным естественным языком, а таким несколько ограниченным и в какой-то мере искусственным образованием, как язык китайской классической поэзии (в реальном древнекитайском языке грамматические категории, хоть и в очень небольшом количестве, всё-таки имелись); ср. обсуждение этой проблемы в Яхонтов 1975.